

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2023, Том 14, № 2 / 2023, Vol. 14, Iss. 2 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2023.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/06KLSK223.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Шелекета, В. О. Возможности «психолингвокультурологии» как трансдисциплинарной методологии в контексте анализа нарративов общества, сознания и культуры / В. О. Шелекета, А. О. Сабаева, И. С. Лагутина, Д. Ю. Гладченко // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/06KLSK223.pdf>

For citation:

Sheleketa V.O., Sabaeva A.O., Lagutina I.S., Gladchenko D.Yu. The possibilities of «psycholinguistic culture» as a transdisciplinary methodology in the context of the analysis of the narratives of society, consciousness and culture. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023; 14(2): 06KLSK223. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/06KLSK223.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

Шелекета Владислав Олегович

ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова», Белгород, Россия
Профессор
Доктор философских наук, доцент
E-mail: vladshelo@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4515-4420>

Сабаева Анна Олеговна

ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова», Белгород, Россия
Старший преподаватель кафедры «Иностранных языков»
E-mail: nyutka.bazhenova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2213-9604>

Лагутина Инна Сергеевна

ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова», Белгород, Россия
Старший преподаватель
E-mail: svezhentseva@yandex.ru

Гладченко Дмитрий Юрьевич

АНО ВО «Белгородский университет кооперации экономики, и права», Белгород, Россия
Аспирант
E-mail: Diman.gladchenko@mail.ru

**Возможности «психолингвокультурологии» как
трансдисциплинарной методологии в контексте анализа
нарративов общества, сознания и культуры**

Аннотация. В контексте сопряжения культурологического, лингвистического и психологического дискурсов в статье рассматривается проблема возможности создания единой теоретико-методологической платформы в виде трансдисциплинарного направления — «психолингвокультурология». Сквозь призму понятия нарратив утверждает тождественность этого понятия со смысловыми единицами языка, архетипическими образованиями культурного опыта человечества и коренных экзистенциалов деятельности человеческой психики. В контексте применения трансдисциплинарной герменевтики можно утверждать, что нарратив берет свое начало в истории и лингвокультурологии, а затем, «кочуя» в различные дискурсы, приобретает характер репрезентанта социально-культурных установлений, некой «матрицы»

коллективного сознания. В таком понимании образуется категориальное и смысловое единство на почве «психолингвокультурологии» как науки, имеющей большой эпистемологический потенциал для анализа явлений культуры, человеческой психологии и языка. Поиск таких специализирующихся на определенных формах психической когнитивной активности областей выводит на уровень научной рефлексии в соответствии с классическими критериями научности идей К. Юнга, Л. Бинсвангера, Э. Гуссерля и, в общем, помогает для целей экстраполяции тех когнитивных структур, о которых К. Юнг говорил как об архетипах, а структуралисты — как об культурно-исторических формах коллективного и индивидуального сознания.

В качестве фундаментальной идеи нарративизма берется идея субъективного значения смысла через задачу финала. Утверждается, что нарративы универсальны как механизм организации человеческого опыта, локальны в силу исторически специфических способов их восприятия, обладают социальным инструментарием и прагматическим потенциалом.

Ключевые слова: нарратив; трансдисциплинарность; нарративная психология; лингвокультурология; общекультурные смыслы; архетипы; нарративная психотерапия; экзистенциалы человеческого существования

Введение

Актуальность рассматриваемой темы исследования связана с процессами, происходящими в гуманитарном знании в целом, а также в контексте эпистемологии науки. Это связано с тем моментом, когда произошел перенос интересов науки с анализа объективных социальных явлений на изучение субъективности в связи с реализацией человека как активного социального субъекта, под влиянием которого происходят крупные изменения в макро и микрокосме, что ставит под сомнение саму возможность строгого и беспристрастного научного познания, раскрывающего единую или «объективную» истину о мире. В качестве своеобразного «представителя» знания о мире может выступать нарратив как онтологическое и гносеологическое основание культуры и общественного сознания. Онтологические аспекты нарративов культуры и общества актуализируются в контексте возможности разработки трансдисциплинарной методологии познавательной деятельности в связи с возможностью сопряжения дискурсов лингвокультурологии, психологии общественного сознания и эпистемологии. Также необходимо обозначить и сформулировать подход, который может появиться в результате подобного сопряжения дискурсов.

Появление такого понимания, в свою очередь, приводит к объяснению сознания (индивидуального и общественного) как совокупности текстов и контекстов, следствием чего является признание возможности множественной интерпретации каждого текста и видение общества и культуры как единства размытых, децентрированных структур в постмодернистском мире. Вышеперечисленные тенденции заставили исследователей в различных областях знания обратиться к нарративу как определяющему методологическому принципу познания индивидуальных и социальных практик.

Нарратив — это исторически и культурно обоснованная интерпретация того или иного аспекта мира с определенной точки зрения. Термин был заимствован из историографии, где он фигурирует в развитии понятия «нарративная история», рассматривающего исторические события как возникающие не в результате естественноисторических процессов, а в контексте истории этих событий, неразрывно связанной с их интерпретацией.¹ Таким образом, как событие в рамках нарратива истории не возводится к конститутивной причине, так и тексты,

¹ Например, работа Тойнби «Человечество и колыбель-земля. Нарративная история мира», 1976.

по мнению постмодернистов, независимо от изначального смысла, который проявился, например, в идеях о разрушении «онто-Тео-теле-лингво-Фонологическим центризма» текста.

Методы

В качестве фундаментальной идеи нарративизма берется идея субъективного значения смысла через задачу финала.

В связи с этим совершенно не важно понимать текст в классическом смысле этого слова. Фредрик Джеймисон считает, что нарративная процедура «создает реальность», утверждая как ее относительность (то есть не претендуя на адекватность), так и ее «независимость» от полученного смысла [1]. Текст рассматривается Р. Бартом как представителем, так сказать, семантически ориентированного нарративизма в качестве «эхо-камеры», возвращающая субъекту только тот смысл, который он привнес, и повествование идет «ради самой истории, а не ради непосредственного воздействия на реальность, то есть, в конечном счете, вне всякой функции, кроме символической деятельности как таковой. Сравнивая классическое произведение — «произведение» и постмодернистский «текст», Барт пишет: «произведение замыкается, сводится к некоему означаемому... В тексте же, напротив, означаемое бесконечно откладывается на будущее» [2].

По мнению М. Постера, смысл рассказа понимается в процессе повествования, то есть «он мыслится как лишенный всякой онтологической опоры и возникающий в акте чисто субъективного усилия» [3].

Основная часть сюжета и момент, когда в нем появляется сюжет, — это его завершение. Рассказчик (повествователь) является, прежде всего, носителем знания о финале, и только благодаря этому качеству он принципиально отличается от другого субъекта повествования — его «героя», который, существуя в центре событий, не обладает этим знанием.

Поскольку существование объективного смысла не является важным для постмодернистского текста, его не следует понимать в герменевтическом смысле этого слова. «Нарративная стратегия» постмодернизма рассматривается как радикальный отказ от реализма в любом его проявлении: литературно-художественный критический реализм, поскольку критиковать — значит считать что-то объективным (а постмодернисты даже критиковали символизм, обвиняя его последователей в том, что символы и знаки все же являются следами некой реальности;

Отвергается и традиционный философский реализм, поскольку постмодерн относится к тексту принципиально номиналистически, а также и сюрреализм, поскольку постмодерн не нуждается в «зонах свободы» в личностно-субъективной эмоционально-аффективной сфере, находит эту свободу не в феноменах детства и сновидений (как сюрреализм), а в процедурах деконструкции и означивания текста, предполагающих произвольность его централизации и семантизации.

В этом контексте можно также рассмотреть одну из сторон общего постмодернистского мироощущения, иногда называемую «смертью субъекта» (и, в частности, «смертью автора»). Авторское повествование в процессе чтения заменяется повествованием читателя, который понимает и определяет текст по-своему. Если последний пересказывает текст, то он, в свою очередь, становится автором для другого читателя и так далее. Таким образом, повествование — это история, которую всегда можно рассказать по-другому.

В этом контексте Ю. Брокмейер и Р. Харре соотносят нарратив с феноменом дискурсивности, рассматривая его как «подвид дискурса» [4].

Современная философская традиция видит особенность отношений человека с миром в том, что субъект описывает свое участие в этих отношениях через разнообразные языковые формы, раскрывающие внутренние причины его поведения. Все, что человек говорит о своих действиях и связанных с ними верованиях и желаниях, укладывается в рамки его социальных и индивидуальных практик и составляет «бытие человека». Посредством повествования мы придаем форму и смысл нашим практикам и организуем наши переживания во времени и логике, выделяя начало, середину, конец и центральную тему. Нарративы вездесущи как механизм организации человеческого опыта, локальны в силу исторически специфических способов их восприятия, обладают социальным инструментарием и прагматическим потенциалом.

Философия трактует нарратив как способ для человека обрести свою идентичность — в нем рассказчик «объективирует свою собственную субъективность». Нарратив — это не только средство самоидентификации, но и способ достижения определенных социальных целей, поэтому на практике он принимает ограниченное число элементарных функциональных форм, отличающихся ориентацией во времени и общей оценкой событий: «нарратив стабильности» связывает события, характеры и понятия так, чтобы индивид не становился «хуже» или «лучше» в ходе истории, а его самооценка или идентичность не менялись; «повествование о прогрессе» характеризуется оценкой событий или роли рассказчика как желаемой и одобренной, в то время как «повествование о регрессии» является противоположным.

Наиболее последовательная концепция нарратива разработана в философии И. Брокмейером и Р. Харре. Они определяют нарратив как наиболее общую категорию лингвистического производства, которая «слишком часто используется, как если бы это было просто слово для какой-то онтологии. Однако это понятие следует использовать скорее как выражение набора инструкций и норм в различных практиках общения, упорядочивания, осмысления переживаний, обретения знаний, извинения и оправдания процедур и т. д. ... как сжатый набор правил, которые включают в себя то, что является последовательным и успешным в рамках данной культуры [4]. Иными словами, нарратив — это не онтологическая сущность, а обозначение набора инструкций и норм, позволяющих интегрировать индивидуальный случай в обобщенный и культурно установленный канон: «нарративы выступают как чрезвычайно вариативные формы опосредования между личностными и обобщенными культурными канонами, то есть они являются одновременно моделями мира и моделями самого себя» [4].

Совершенно концептуально и идейно отличающийся от предыдущего подход к реальности психического, демонстрирует экзистенциальный психоанализ и феноменологическая психология. Мы покажем далее, что он является сегодня достаточно перспективным в свете разработок теоретико-методологических подходов к конструированию, так сказать, «ментальных оснований», в том числе и для систем искусственного интеллекта.

Как первый, так и вторая имеют дело с бытием психического, которое также структурируется в некоторые формы, существующие до всякого сознательного опыта, но все же представляющие собой базовые экзистенциалы человеческого существования. Опираясь отчасти на теорию конструируемых смыслов из феноменологии Гуссерля, экзистенциальный анализ опирается на закономерности функционирования конкретного Dasein с его конкретно определяемыми фундаментальными измерениями — «онтологическими экзистенциалами» бытия личности. Модусы непрерывности существования, осознания пространства и времени будут им раскрыты достаточно глубоко впоследствии, но в начале своего творчества он находит подобные удивительные структуры в парадоксальных феноменах — воображении и сне. Понимание этих феноменов с помощью языка обладает при этом такой характеристикой, что «сам язык, в этом сравнении, схватывает определенный элемент, лежащий глубоко в

онтологической структуре человека — а именно, способность быть направленным сверху вниз, — а затем обозначает этот элемент как падение. ...Язык, поэтическое воображение и — прежде всего — сновидение черпают из этой основной онтологической структуры» [5]. Здесь Л. Бинсвангером утверждаются онтологические начала экзистенции человека и культуры (языка).

Л. Витгенштейн отошел от языка и стиля терминологического мышления, характерных для логического атомизма. Второй период его творчества характеризуется скептицизмом по поводу возможности построения единого непротиворечивого языка. Мыслитель приходит к идее существования множества смысловых контекстов, языков и, по терминологии самого Витгенштейна, «языковых игр». Наиболее полная функционально-игровая модель языка представлена в работе «Философские исследования» (1953), где помимо идеи языковых игр затрагиваются такие философские вопросы, как взаимосвязь языка и мышления; интуитивный и рациональный, индивидуальный и intersубъективный, вербальный и дорефлексивный уровни человеческого сознания; действие, жест и внутренний план сознания. В данной работе мыслитель размышляет о феноменах смысла (значения) языковых выражений; статичности и динамичности в семантическом пространстве языковой игры; возникает также вопрос о «сознании других людей, о различии между сознанием других»; об отношении объекта и понятия (образа этого объекта) и многих других. Философ неоднократно подчеркивал, что он говорит о языке как о «пространственно-временном явлении» и раскрывает внутреннюю связь языка, мышления и формирования картины мира. Языковые игры захватывают сам процесс реализации нарратива, что позволяет связать язык и окружающий мир.

Анализ трудов Витгенштейна позволяет выявить базовый для нашего исследования принцип связи онтологической структуры мира и логико-понятийной структуры языка, а также гносеологическую установку рассмотрения языковых игр как метода и способа актуализации языка и нарратива в частности; дифференцировать нарратив в структуре языковой игры с целью определить его возможность связать языковую и культурную реальность [6].

Здесь явно прослушиваются аллюзии с кантовскими априори, вместе с приданием последним трагедийного характера экзистенциального. Это, по большому счету проблема априорных форм деятельности сознания, которые у Л. Бинсвангера обозначаются как «экзистенциальные априорные структуры существования». Эти структуры, как он полагает, определяют саму возможность возникновения психического заболевания, а также его конфигурацию. Данные априорные структуры при этом имеют в себе качество трансцендентности. Так, он пишет в контексте анализа одного известного случая психического отклонения как разрушения этих коренных экзистенциалов: «Экзистенциальный анализ... не постулирует устойчивость структуры внутренней жизни истории, а скорее исследует предшествующую или лежащую в ее основе фундаментальную трансцендентальную структуру, а priori всех психических структур как само условие этой возможности» [5] (возможности разрушения психической структуры — В.Ш.).

Экзистенциальные априорные структуры, как отмечает О.А. Власова, являются своеобразным горизонтом сознания, поскольку определяют матрицу его возможного опыта, т. е. саму возможность возникновения последнего [7]. При этом, что особенно важно для нас в рамках заданной проблематики рассмотрения, эта матрица создает объекты мира, с которыми сталкивается человек, создает, поскольку придает им определенный смысл, обуславливает контекст индивидуального значения [5]. Это очень похоже на то, что психоаналитики от Юнга до Нидмана обозначали как экзистенциальные априорные структуры, определяя их значение как «универсалий» или «форм сознания» (опять-таки отсылка к Канту здесь вполне уместна). При этом самым, пожалуй, основным здесь является то, что «отделить эти категории от самого мира и существования, которое они обуславливают, невозможно» [8].

Таким образом, в этом пространстве феноменологических изысканий и постижении сущностных структур, лежащих в основе экзистенции, и разворачиваются структуралистские поиски базовых моделей психического.

В наиболее понятной для всех форме и заложив, так сказать, фундамент идеи «объективности психического», этот концепт выступает у позднего Юнга, когда он намекает не просто на онтологичность психического — об этом он собственно говорит постоянно в своей теории архетипа, как предопределенных любому человеческому сознанию форм психического реагирования, — но на *онтическую* природу психологических структур, которые могут смыкаться, либо указывать на некую реальность, находящуюся «за» психической реальностью.²

При этом логика рассуждений у Юнга разворачивается с пункта, касающегося доказательства существования типичности психической жизни, ее структурности, дающей основу для понимания людей друг другом. Здесь с Юнгом можно согласиться, ведь действительно, люди не понимали бы друг друга, имея они принципиально различный механизм понимания и восприятия. Относительно идеи *tabula rasa* как критерия «содержания» души человека, он приводит вполне понятный каждому размышляющему человеку посыл, касающийся априорных оснований научного мышления, о том что «так же как тело имеет свою анатомическую предысторию, исчисляемую миллионами лет, так и его психическая система, как всякая часть человеческого организма является результатом такой эволюции, повсюду обнаруживая следы более ранних стадий своего развития. Как сознание начинало свою эволюцию с бессознательного животного состояния, так же проходит этот процесс дифференциации и каждый ребенок. Предсознательное состояние психики ребенка — это все что угодно только не *tabula rasa*; его психическая структура уже включает осознаваемые индивидуальные проформы и все специфические человеческие инстинкты, а кроме того, она обнаруживает априорные основания высших функций» [9].

Но далее у Юнга более радикальная позиция онтологизации психологических содержаний архетипического, которое, в свою очередь, составляет сюжеты мифологии и известные «события» мировых религий, связанные с основателями религий, либо с Богом. Юнг возражает не эмпирическому научному мировоззрению, а скорее, шаблонам научного мышления, сформировавшимся во время зарождения науки, но еще бывшими популярными даже в XIX веке. Он возражает случаям, когда «ни наши органы чувств, ни соответствующие вспомогательные инструменты (как главные инструменты познания «подлинно научного мировоззрения, заложенные Ф. Беконем в его методологии научного мышления. — В.Ш.) доказать наличие реального объекта не могут, возникает та чудовищная трудность, суть которой заключается в искушении объявить реальный объект несуществующим вовсе. Подобные более чем скоропалительные выводы меня никогда не удовлетворяли, потому что я никогда не утверждал, что мы способны постичь все формы бытия. Потому я осмеливаюсь заявить, что феномен архетипических структур, каковые представляют собой психические явления (и только) — опираются на *психоидную* основу, то есть на в какой-то мере психическую, но, вероятно, совсем иную форму бытия. За недостатком эмпирических данных я не обладаю ни знанием, ни пониманием этих форм, называемых обычно «духовными»...» [10].

Мы должны здесь в вышеприведенном высказывании остановить свое внимание и точно представлять себе, что Юнг со всей очевидностью удивления и одновременно убеждения в этом факте, говорит о существовании некой таинственной основы для того, что он называет архетипами, первичными структурами психической жизни человека и человечества. При этом

² См. например работы К. Юнга «Ответ Иову», «Нераскрытая самость» и др.

так называемые «духовные» феномены, связанные с религиозной жизнью человеческой цивилизации, являются основным содержанием этой таинственной основы. В попытке интерпретировать эту позицию Юнга нам не остается ничего иного как говорить о том, что психическая или «духовная» жизнь человека соприкасается в своих глубинах со всей полнотой экзистенциальности тех феноменов, о которых говорят данные религиозно-мифологические сюжеты.

Смягчая эту юнговскую тенденцию к своеобразной мистификации психического, мы можем говорить о том, что называется *нарративом*, который можно рассматривать как некоторую смысловую первичную основу любого когнитивного акта.

Вторым шагом в русле исследований нейромозговой активности смысловых паттернов, которые сегодня проводят, к примеру, в лаборатории К. Анохина, может стать обнаружение и экспериментальное доказательство наличия субстратной основы для нейромозговой активности, которая является дериватом, так сказать, генов в фиксации разных форм долговременной памяти и устойчивых [патологических] состояний нервной системы. Так, К. Анохин вводит понятие «когнитом» и предложил гиперсетевую теорию мозга, в рамках которой объясняются феномены реконсолидации памяти. Когнитивная специализация нейронов — это уже не новое место в науке [11]. И поиск таких специализирующихся на определенных формах психической когнитивной активности областей, по нашему мнению, выводит на уровень научной рефлексии, в соответствии с классическими критериями научности идеи Юнга и, в общем, помогает для целей экстраполяции тех когнитивных структур, о которых говорит Юнг как об архетипах, а структуралисты — как об культурно-исторических формах коллективного и индивидуального сознания.

Результаты

Таким образом, в контексте применения трансдисциплинарной герменевтики, можно утверждать, что нарратив берет свое начало в истории и линвокультурологии, а затем, «кочуя» в различные дискурсы, приобретает характер репрезентанта социально-культурных установлений, некой «матрицы» коллективного сознания.

Как отмечает И.В. Троцук, «сформировавшиеся в рамках психологии подходы к, собственно, нарративной проблематике достаточно сложно структурировать, поэтому можно лишь упомянуть только два из них — нарративная психология, или «теория» нарратива, и психоаналитическая терапия, или «практика» нарратива» [12].

В связи с появлением этой практики, ориентированной на нарративы (или использующей их) возникает так называемая «нарративная психология». Среди представителей ее можно упомянуть таких авторов, как Т. Сарбин, Г. Олпорт, Дж. Бруннер, К. Герген, А. Керби, Ч. Тейлор [13]. Она постулирует смысл человеческого поведения в повествовании, но не в различного рода рациональных обобщениях. Понимание определенного текста есть одновременно «самопонимание» читающим этот текст.

Вообще, в рамках нарративной психологии существует два подхода: представители первого, «социально-конструктивистского» достаточно радикальны в понимании личности, утверждают, что личность — это «текст», который, собственно, и есть предмет понимания; представители второго — защищают позицию, согласно которой самопонимание равнозначно социальной самоидентификации.

Таким образом, оба теоретико-методологических подхода используют социально-культурный контекст как базу для диагностики психологического состояния индивида, поскольку основным для психологической идентификации выступает то, на какую социокультурную реальность человек ориентируется.

Человек здесь как «истолковывающее себя существо» достигает искомого самопонимания через нарратив, самоинтерпретируясь, выделяя в жизни то, что обладает для него смыслом и (или) значением.

Дж. Брунер в рамках социально-конструктивистского подхода выделяет два модуса сознания: нарративный модус самоосмысления отражает жизненный контекст и уникальный индивидуальный опыт; парадигматический, или логико-научный, модус является общечеловеческим — это форма нарратива, выработанная в ходе культурного развития человечества и приспособленная к межличностному общению [14]. Таким образом, этот подход определяет сознание человека, организованное по законам художественного текста.

Соответственно, можно следующие нарративные структуры человеческой психологии: комедийный жанр (трикстер как форма отмены общественных норм и условностей), романтическую ориентацию (как идеализацию), «трагическую ориентацию» (поражение героя, изгнание и т. п.), ироническую ориентацию, которая подвергает сомнению предыдущие варианты нарративных структур.

Главным методом исследования в психоаналитической терапии является «кейс-нарратив» как изучение эпистемологически и коммуникативно значимых индивидуальных случаев или биографий обычных людей для конструирования на их основе типических моделей психических структур. «Нарратив здесь рассматривается как средство организации личного опыта, отражающее эмоциональное состояние рассказчика и стимулирующее ответную реакцию слушателя. Анализ нарративов основан на идеях интертекстуальности (все, что автор узнал до создания своего текста, невольно и неосознанно прорывается в его «творении»), множественной интерпретации и неотделимости текста от контекста, диктующего его оценку, и проводится при помощи контент-аналитических методов» [13].

Психоаналитическая терапия вообще направлена на интерпретацию жизни пациента, рассказанной в ходе психотерапевтического сеанса, как нарратив. Однако такой подход требует определения нарратива, которое позволило бы отличать его от других повествовательных практик. Вероятно поэтому в психоаналитической терапии существуют два подхода к определению нарратива: прагматический, где контекст повествования (в данном случае — в ходе психоаналитического сеанса) предопределяет значение, и аффективно-оценочный подход, где автор рассказа предлагает принять и разделить его мировосприятие. При этом необязательным является соблюдение хронологии, а определяющее значение играет аффективно-эмоциональные компоненты, живая коннотативность. Конечная цель этого процесса — подразумевает усложнение и «сглаженность» сюжета, развитие его и лишение его дисгармоничной личностной оценочности.

Нарративы личного опыта используются в психоаналитической терапии, чтобы изменить жизнь пациента путем ее пересказывания, иной интерпретации и конструирования более удовлетворительного опыта. Поэтому базовой техникой нарративной терапии является экстернализация — лингвистическая практика, помогающая людям отделить себя от проблемно насыщенных историй, которые они воспринимают как собственную идентичность: посмотрев на свои проблемы со стороны, человек может взять на себя ответственность за их разрешение. Экстернализация исключает эффект «наклеивания ярлыков» и способствует тому, чтобы человек направил свои усилия на борьбу с проблемами, а не с людьми. Для этого нарративная психотерапия акцентирует противоречивость субъективного опыта: нет

экспертов, нет объективных истин, нет конечной интерпретации или конечного интерпретатора, на которого можно было бы сослаться, чтобы подтвердить легитимность и истинность любого повествования, включая саму нарративную психотерапию [13].

Выводы

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что нарратив является категорией, задающей границы, рамки, а языковая игра представляет собой способ самоосуществления, бытия нарратива. При этом языковые игры, будучи способом коммуникативно-практического осуществления наррации, позволяют нарративу обрести смысло-транслирующую функцию, возможную лишь в случае проигрывания повествования в единстве мысли-слова-дела, составляющих языковую игру.

Таким образом, в рамках сопряжения теоретико-методологических дискурсов культурологии, языкознания и психологии нарратив может рассматриваться и как новый теоретический подход (в нарративной психологии), и как эмпирический объект анализа (в психоаналитической, или нарративной, терапии).

Вышеизложенное, в свою очередь, совпадает с сутью новой — «неклассической» — онтологии, которая состоит в том, что человеческая субъективность не может быть понята как часть мира, объясненная из объективных законов этого мира. Но человеческая субъективность не есть одновременно некая идеальная сущность или субстанция, потенциально содержащая все свои атрибуты и модусы и закономерно разворачивающая их в определенном логическом процессе саморазвития. В таком понимании и нарративно-архетипические социокультурные образования, и языковые нарративы как единицы языковых игр и опыта, и психологические экзистенциалы образуют категориальное и смысловое единство на почве возможности обсуждения «психолингвокультурологии» как науки, имеющей большой эпистемологический потенциал для анализа рассматриваемых явлений культуры, человеческой психологии и языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексанян Е.А. Новации нарратива XX века (Les innovations du style narratif du XX siecle) (франц) // Сб. «Традиции и новаторства в обществе и культуре». — Вена, 2005.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989 — 616 с. — С. 384.
3. Poster M. The Mode of Information. — Post-Structuralism & Social Context. Cambridge, 1996. — P. 136.
4. Брокмейер Й., Харре Р. «Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы». — Вопросы философии, 2000, № 3. — С. 29–42.
5. Бинсвангер Л. Сон и существование // Бинсвангер Л. / Бытие-в-мире — М.; СПб., 1998. — С. 197.
6. Витгенштейн Л. Избранные работы. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. — 440 с.
7. Власова О.А. Ранний Фуко: до «структуры», «археологии» и «власти». Предисловие к кн. М. Фуко Психическая болезнь и личность. — М.: ИЦ Гуманитарная академия, 2010. — С. 39.

8. Юнг К. Архетипы и коллективное бессознательное. — М.: АСТ, 2021. — 224 с.
9. Самуэльс Э. Юнг и постъюнгианцы — М.: Добросвет, КДУ, 2006. — 408 с.
10. Юнг К. Аффекты цивилизации — В кн. Матрица безумия (сборник) — М.: Родина, 2021. — 304 с.
11. Анохин К., Новоселов В., Смирнов К.С., Ефимов А.Р. Искусственный интеллект для науки и наука для искусственного интеллекта // Вопросы философии, 2022, № 3. — С. 93–106.
12. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН, серия Социология, 2004, № 6-7. — С. 56–74.
13. Романова И.А. Основные направления исследования самопонимания в зарубежной психологии // Психологический журнал. — 2001. — Т. 22 — № 1 — С. 103–111.

Sheleketa Vladislav Olegovich

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia
E-mail: vladshelo@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4515-4420>

Sabaeva Anna Olegovna

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia
E-mail: nyutka.bazhenova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2213-9604>

Lagutina Inna Sergeevna

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia
E-mail: svezhentseva@yandex.ru

Gladchenko Dmitry Yurevich

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia
E-mail: Diman.gladchenko@mail.ru

The possibilities of «psycholinguistic culture» as a transdisciplinary methodology in the context of the analysis of the narratives of society, consciousness and culture

Abstract. In the context of conjugation of culturological, linguistic and psychological discourses, the article deals with the problem of the possibility of creating a single theoretical and methodological platform in the form of a transdisciplinary direction — «psycholinguistic culturology». Through the prism of the concept of narrative, the identity of this concept with the semantic units of the language, the archetypal formations of the cultural experience of mankind and the fundamental existentials of the activity of the human psyche is affirmed. In the context of the application of transdisciplinary hermeneutics, it can be argued that the narrative originates in history and linguoculturology, and then, «roaming» into various discourses, acquires the character of a representative of socio-cultural institutions, a kind of «matrix» of collective consciousness. In this understanding, a categorical and semantic unity is formed on the basis of «psycholinguoculturology» as a science that has great epistemological potential for analyzing the phenomena of culture, human psychology and language. The search for such areas specializing in certain forms of mental cognitive activity brings to the level of scientific reflection, in accordance with the classical criteria for the scientific nature of the ideas of C. Jung, L. Binswanger, E. Husserl, and, in general, helps to extrapolate those cognitive structures about which K. Jung spoke as about archetypes, and structuralists — as about cultural and historical forms of collective and individual consciousness.

The idea of the subjective meaning of meaning through the task of the final is taken as the fundamental idea of narrativism. It is argued that narratives are universal as a mechanism for organizing human experience, local due to historically specific ways of perceiving them, have social tools and pragmatic potential.

Keywords: narrative; transdisciplinarity; narrative psychology; linguoculturology; general cultural meanings; archetypes; narrative psychotherapy; existentials of human existence